

История философии

11 Метафизика Аристотеля 2

Автор: д-р Артур Холмс из Уитонского колледжа

Итак, вернёмся к метафизике Аристотеля. Вы помните, что, обсуждая его метафизику, мы говорили о том, как он определяет её как науку обо всех науках, как наиболее общие принципы. Следовательно, он разработал свою собственную теорию форм в ответ на то, что он считал недостатками в теории Платона, и выделил четыре вида причинных факторов, к которым необходимо обращаться для объяснения того, что что-либо представляет собой и для объяснения любых изменений.

Существует четыре вида причин: действенная причина, материальная причина, формальная причина и конечная причина. Вам следует знать их до тех пор, пока они не начнут всплывать в ваших снах, и вы не начнете говорить о них во сне. Метафизика — это наука о бытии.

Существуют отдельные науки, изучающие отдельные виды существ. Но наука о бытии как таковом, бытие в целом как наиболее общее понятие, — это то, чем занимается метафизика. И поэтому Аристотель, как вы помните, различает различные категории бытия, то есть различные способы использования этого общего понятия бытия.

Субстанции, качества, места, отношения и так далее, и тому подобное. Он перечисляет десять различных категорий, и я вернусь к ним позже. Мы также начали говорить о законах бытия.

Законы мышления — это тоже законы, так же как и категории бытия — это категории мышления. Обратите внимание, что существует корреляция между тем, как функционирует разум, как он мыслит, и тем, как устроена реальность. Вы увидите.

Если реальность рациональна, и мы рациональны, то наша рациональность открывает нам путь к реальности. Понимаете? Если реальность рациональна, и мы рациональны, то наша рациональность открывает нам путь к реальности. Хорошо? Теперь, законы бытия таковы:

Мы говорили о первом пункте, который является решающим. Остальные просто вытекают из него. Закон непротиворечия гласит, что существо не может одновременно быть и не быть чем-то и в одном и том же отношении.

И по той же логике, нельзя одновременно утверждать и отрицать что-либо в одном и том же отношении. И мы обычно символизируем этот закон непротиворечия, просто говоря, что А не является не-А. А не является не-А.

Оно не может одновременно существовать и не существовать. Оно не может быть этим и не быть этим одновременно и в одном и том же отношении. И, конечно же, с этим двойным отрицанием это равносильно закону тождества, что А равно А. Вещь тождественна самой себе.

Я — это я. Ты — это ты. Давайте не будем путать. Кошка — это кошка, а не катастрофа.

В старшей школе у меня был учитель латыни, который, когда кто-то спрашивал: «Это то слово, от которого произошло наше слово такое-то?», иногда раздражался от фантазии юных школьников и со своим шотландским акцентом отвечал: «Эй, парень, кошка — это кошка, а не катастрофа». И так далее. Закон тождества.

Кошка — это кошка, а не катастрофа. Она может стать катастрофой, но это произойдёт в другое время. Хорошо.

А равно А. Тогда из закона непротиворечия также следует закон исключенного третьего. Что-то либо есть, либо нет. Других альтернатив нет.

Третьего варианта нет. А или не А. Третьего варианта нет.

Это часто называют двухзначной логикой. Если А и не-А истинны и ложны, истинность и ложность, то нет никакой другой альтернативы. Нет и третьей альтернативы.

Таким образом, закон исключенного третьего дает нам двухзначную логику, и некоторые современные логики ставят под сомнение этот третий закон. Но в любом случае решающее значение имеют первые два. В третьем же есть определенная тонкость.

Это то, о чём говорил Аристотель, когда рассуждал о парадоксах Зенона и тому подобном, о том, как люди пытаются найти компромисс, если есть нечто среднее? Да, именно так. Белое, чёрное и зелёное. Да, белое, чёрное и зелёное.

Если у тебя есть белое... Ой. Белое... Мне лучше научиться писать. Если у тебя есть белое, чёрное и зелёное... Ты скажешь, это значит...? Мне лучше научиться читать.

Значит ли это, что у вас трехзначное число? Нет. Потому что белое и черное не являются противоречиями. Видите ли, противоречиями были бы белое и не белое.

В этом смысле у вас есть белый цвет, а эти два — не белые. Или, если у вас есть что-то белое, то есть зелёный и не зелёный. Или чёрный и не чёрный.

Видите ли, суть в том, что хотя белое и не белое являются противоречиями, белое и чёрное не являются противоречиями; скорее, они являются тем, что Аристотель называет противоположностями. И если кто-то из вас изучает вводный курс логики, вы уже сталкивались с этим различием.

Сколько из вас изучают или изучали «Введение в логику»? Нет, сейчас вы его не изучаете, потому что это занятие проходит в то же время, что и сегодня, верно? Да. Хорошо. Итак, держите эти три закона мышления в уме, помня, что они также являются законами бытия, поскольку, если всё бытие рационально, и если наше мышление рационально, то правильное мышление открывает вам путь к бытию.

Теперь, прежде чем мы продолжим, я хочу упомянуть еще пару моментов. Категория субстанции. Аристотель постоянно говорит, что у этого есть три значения, у того — два, а у другого — четыре, и когда он говорит о субстанции, он различает два, а иногда и три значения слова «субстанция».

В некотором смысле, субстанцией являются отдельные детали. Части или содержимое отдельных деталей являются субстанциями. Таким образом, этот маркер является субстанцией.

Этот стол — это субстанция. Эта рука — это субстанция. Я — субстанция.

Обратите внимание на очевидный момент: в философском понимании термин «субстанция» не подразумевает материальность. Поэтому в более поздний исторический период мы говорим о душе как о субстанции. То есть, это сущность.

Это существо в самом первичном смысле этого слова. Первичная субстанция. Это нечто частное.

Это существует. Теперь есть вторичное значение слова «субстанция», в котором мы говорим о формах субстанции. Формы.

Время от времени он упоминает и третий, третичный смысл, в котором материя, голая, бесформенная материя, называется субстанцией. Но именно на первых двух он делает акцент. Первый фактически называется первичной субстанцией.

А второе — как вторичное вещество. Вы можете сказать: «Ну, это интересный фрагмент словаря». И что с того? Но дело в том, что Платон никогда бы так не сказал.

Платон никогда бы не сказал, что бытие — это прежде всего частность. Разве нет? Видите ли, Платон сказал бы, что частность — это не бытие, а становление.

Помните? Другими словами, утверждая, что частное — это первичная субстанция, он говорит, что первичный вид бытия, первичные реальности, — это частные вещи. Это революционно для Платона. О чём же, должно быть, думает старик? Ведь для Платона частное — это всего лишь мимолетные копии чего-либо.

Для Аристотеля они являются первичной реальностью. Да, но вы можете возразить: разве формы тоже не являются реальностью? Не в том же смысле. Видите ли, Аристотель настаивает на том, что формы никогда не обнаруживаются сами по себе.

Независимые сущности. Частицы существуют сами по себе, как отдельные сущности, но не формы. Формы можно найти только в составе, в соединении с материей, как отдельные сущности, как отдельные тела.

Видите ли, частности, как вы помните, гиломорфны. То есть, форма плюс материя.

Таким образом, хотя формы и реальны, они реальны лишь в условном смысле. Хорошо, вы предвосхищаете то, что произойдёт в очень скором времени. А именно, одно грандиозное исключение из правила.

Вы никогда не находите формы как отдельные сущности. И именно благодаря этому, в Боге, конкретные формы никогда не меняются. Мы увидим, как это происходит, чуть позже.

Но, следовательно, первичное, вторичное вещество подчеркивает первенство частностей. Знаете, это можно выразить множеством способов. Можно сказать, что Аристотель более приземлён.

Верно? Он скорее физический реалист. Платон — скорее идеалист. Аристотель — скорее реалист.

Да, и эта терминология используется. Некоторые толкователи Платона, отвергая его концепцию Бога, говорят, что Аристотель на самом деле философ-натуралист. Он просто говорит о природных вещах, о частных случаях.

Но по мере того, как эти две традиции, платоновская и аристотелевская, постепенно передавались в Средневековье, вы обнаружите, что богословские последствия, вытекающие из этих двух альтернатив, весьма значительны. Платоновская традиция повлияла на августинскую и францисканскую традиции, тогда как аристотелевская традиция повлияла на Фому Аквинского и доминиканскую традицию. Иезуиты.

Очень важно. И это, кстати, верно и по сей день. Нет, я не говорил, что без формы.

Нет, потому что частное — это совокупность формы и материи. Частные вещи могут существовать сами по себе. И быть отдельными сущностями.

Формы не являются отдельными сущностями. Формы не являются отдельными сущностями. Они существуют только в сочетании с материей.

Значит, их не существует? Ну, их не существует ни в какой независимой сфере. Нет мира форм, отделенного от материи. Откуда берется форма? Похоже, она вытекает из потенциала самой материи.

Да? У вас есть это сочетание формы и материи. Материя находится в процессе изменения, роста, например. Форма, которая определяет природу объекта, также определяет его потенциал.

Так, например, в случае с младенцем, тело растет, материя расширяется. Форма этого младенца дает ему потенциал для превращения во взрослого человека. Таким образом, цель определяется потенциалом этой формы.

Понимаете? В итоге, конечная цель — стать, ну, так сказать, процветающим взрослым. Всё зависит от обстоятельств. Идеал — не стать бесплотным взрослым.

Да? Для Платона это так. Для Аристотеля — нет. Идеал — стать полноценным, полностью дееспособным взрослым человеком.

Если частное является первичным, а формы — вторичными, то где же находится материя? Третичная ли это область? Да, материя — третичная. Но здесь нужно быть осторожным. Допустим, третичной областью является сама материя.

Он, похоже, действительно считает, что существует гипотетическая «чистая материя». Не то чтобы она когда-либо существовала на самом деле. Но гипотетическая «чистая материя».

Нужно быть осторожным, потому что когда это применяется, и здесь я немного забегаю вперед, чтобы подробнее ответить на ваши вопросы. Если взять, например, человека как частное лицо, то человек состоит из разумной формы плюс животного тела. Что отличает человеческий вид, так это то, что мы — разумные существа.

Таким образом, то, что отличает человека от всего семейства животных, — это рациональность. Рациональная форма плюс животное тело. Но животное тело, конечно же, включает в себя животную форму, или, как он любит это называть, животную душу, плюс растительное тело.

Органический материал. Растительное тело, материя, имеет то, что он называет вегетативной формой или вегетативной душой, не имеющее ничего общего с ленивцем, и элементарную материю, материю, состоящую из элементов. Понимаете, и вы продвигаетесь таким образом до гипотетической голой материи.

Суть в том, что растительная жизнь, вегетативная жизнь, выполняет функции питания и размножения. Животная жизнь выполняет функции ощущений и передвижения. Но помимо этого, человек выполняет функции рациональности, рациональные функции.

Таким образом, у человека есть рациональные функции, а также ощущения, передвижение, питание и размножение. У других животных есть ощущения, передвижение, питание и размножение. У растительных организмов есть только питание и размножение.

Таким образом, конечная причина определяется именно таким образом, через форму. Потенциал для роста благодаря питанию и размножению. Потенциал для жизни, которая включает в себя, помимо этого, ощущения и передвижение.

Потенциал для полноценной жизни, включающей все это, но также включая рациональность. И таким образом, он получает свое определение блага из области этики. Поэтому благом для Аристотеля — это полноценная жизнь, то есть все это, полноценная жизнь под властью разума.

Да. В этом смысле человечество процветает. Да, неодушевленные предметы, очевидно, находятся здесь, внизу.

Так что, если вы говорите о камне, вам нужно говорить об элементарной материи с этой конкретной трехмерной пространственной формой, которую он имеет. Или о форме гранита или чего-то подобного. И вопрос в том, каков же итог? И единственное, о чем можно говорить, это то, что я называю «голой материей».

Аристотелевские средневековые философы, схоластики, говорили о первичной материи, *materia prima*. Это материя в самом начале. Это гипотетическое первое место.

Карл? Идея формы должна быть связана с телом или сущностью. Да. Интересно, как бы Аристотель ответил на платоновские концепции справедливости, красоты или чего-то подобного.

Кажется, с точки зрения Платона, Аристотель словно застрял в пещере. Да, интересно, можно ли оставить этот вопрос без ответа. Вопрос в том, как бы Аристотель говорил о таких вещах, как справедливость и красота? С точки зрения Платона, похоже, Аристотель остаётся в пещере.

А что же такое справедливость в идеале? Красота в идеале. Давайте пока остановимся на этом, пока не перейдем к этике. Потому что, я думаю, помимо этого аспекта метафизики, нам нужно углубиться в кое-что еще, касающееся психологии человека.

Входим в картину. Чтобы ответить на этот этический вопрос. Хорошо.

Хорошо. Теперь давайте посмотрим. Все эти дискуссии возникли из разговоров о первичном и вторичном веществе.

Верно? И ещё один момент. Различие между сущностью и акциденцией. Различие между сущностью и акциденцией.

Теперь вы можете это заметить, если откроете страницы 331 и 332 в книге Кауфмана. 331 и 332. Где в главе 7, на странице 331.

Он говорит, что вещи считаются существующими. Во-первых, в случайном смысле. Во-вторых, по своей природе.

Итак, еще раз подчеркну, что сущность и акциденция — это разные способы существования вещей. Существуют акциденциальные свойства. Существуют сущностные свойства.

Существенным свойством человека является рациональность. По крайней мере, эта способность. А вот случайным свойством, не являющимся неотъемлемой частью человеческой природы, является то, что у меня голубые глаза.

По крайней мере, мне так сказали. Это случайность. В том смысле, что это не является существенным для природы человека.

Да. Так что это довольно простое различие. Сущность и акциденция.

Теперь перейдём к главе 8, глава 332. Он обращает внимание на различие между субстанцией в первичном и вторичном смысле. Обратите внимание, что сначала он перечисляет один, два, три и четыре смысла. А затем говорит, что из этого следует, что субстанция имеет два смысла.

Ну, когда я это прочитал в первый раз, я подумал: что это вообще такое? Два — это не четыре. Так что четыре теперь превращается в «не четыре». Что случилось с законом непротиворечия? Понимаете?

Но это не так. Потому что, когда вы читаете список из четырех пунктов, номера два и три сливаются в номер один. Возможно, вы заметили, что я сказал «частности», «первичные вещества», «части частных» или «содержание частных».

Видите ли, частное содержание частных вещей, частные части частных вещей. И числа два и три — это как раз части и содержание. Таким образом, один, два и три сливаются в число один как первичную субстанцию.

Оставим лишь формы или сущности вторичного вещества. Хорошо. Теперь я не буду давать никаких дальнейших комментариев по поводу оставшейся части книги, которую вы читаете в четвертой части, которая продолжается до страницы 338.

Вы просто обнаружите, что он говорит о других способах, которыми мы говорим о бытии в различных категориях. Например, на странице 335 он рассматривает понятие потенции, или способности, потенциальности и актуальности. На странице 337 он рассматривает привязанность.

То есть, быть затронутым чем-либо. Часть причинно-следственной связи. И в разделе 22 внизу страницы 337 речь идет о лишениях.

Иными словами, отсутствие какого-либо свойства. Теперь, все это вы можете изучить в процессе чтения. Все это — просто способы, которыми мы говорим о существах, бытии и еще раз о существах.

Итак, рассматривайте всю четвертую книгу как простое исследование бытия, категорий бытия, законов бытия и других способов, которыми мы можем говорить о бытии. Хорошо. Есть вопросы, комментарии? Я готов перейти к двенадцатой книге, Боже.

Хорошо. Вы помните, что когда мы изучали Платона, я указывал на то, что для того, чтобы увидеть целостное единство мышления Платона, мы можем

представить себе происходящее как движение от ступицы вдоль спиц к ободу колеса. И что ступица, которая всё это скрепляет, представленная разделённой линией, по сути, является метафизикой Платона и соответствующей ему эпистемологией.

Теория познания, как познать то, что Платон считает реальностью, формами. Теперь вы можете использовать тот же способ мышления в отношении Аристотеля. Вам нужно добраться до его метафизики, и именно этим мы и занимались.

Затем, в свете этой метафизики, вы можете увидеть, что он говорит о Боге. Хорошо. Мы можем увидеть, что он говорит об этике, политике, образовании, искусстве и так далее.

Хорошо. Это метафизическое ядро, фундамент, который формирует всё остальное. Позвольте мне добавить примечание.

Именно эти метафизические и взаимосвязанные эпистемологические основы являются философской подоплёкой каждой из ваших дисциплин, независимо от того, чем они являются. Что такое философия науки? Это философия, занимающаяся философскими основами науки. То есть, метафизическими предположениями или следствиями, а также эпистемологией, связанной с наукой.

Что наука говорит нам о реальности, если она вообще что-либо говорит о реальности? Как мы можем это узнать научным путем? Если наука ничего не говорит нам о реальности, то что такое научное знание, которое ничего не говорит нам о реальности? Эпистемологические метафизические основы. То же самое верно и в философии искусства.

Какую именно реальность интересует художник? Если, как и Платон, рассматривать искусство как подражание, искусство как имитацию, в идеале — имитацию форм, то для того, чтобы быть хорошим художником, необходимы знания о формах, лежащие в их основе эпистемологические знания. Если же искусство — это не о формах, а скорее самовыражение, стремление к самопониманию через самовыражение, то, очевидно, речь идёт о другом виде реальности и другом виде познания, которые объясняют этот вид искусства. То же самое верно и в философии религии.

Что же является той реальностью, которой занимается религия? Бог. Следовательно, религиозная эпистемология связана с тем видом познания, который необходим для познания Бога или для познания Бога. Понимаете? Конец сноски.

Понимаете? Метафизические эпистемологические основы. Хорошо, и аналогично, теперь, когда мы переходим к Аристотелю, к разговору о Боге. Двенадцатая книга «Метафизики» начинается с 369-й главы и продолжается оттуда, кажется, в десяти главах двенадцатой книги.

Теперь, когда вы начнете читать двенадцатую книгу, вы, вероятно, скажете себе: «Это не о Боге, это снова о метафизике». Конечно. По той причине, которую я только что указал.

Понимаете? Если вы хотите доказать существование Бога, вам нужно опираться на знание других реальностей. Так что же это за реальности? И поэтому ему нужно еще одно краткое изложение его метафизики. В качестве отправной точки для его аргументации.

Итак, в первой главе, на странице 30, новый абзац начинается примерно на треть первой колонки числа 370. 370. Он говорит, что существует три вида вещества.

Тот, кто воспринимает мир через чувства. Не в нашем понимании чувственного восприятия, а в его собственном понимании чувственного восприятия, которое доступно органам чувств. Способный быть познанным органами чувств.

Хорошо. Три вида вещества. Один из них — разумный.

Физическое. Одна его часть вечна, а другая брэнна. Последняя, признанная всеми людьми, включает растения, животных и тому подобное.

Из которых мы можем постичь элементы, будь то один или несколько. И есть еще один, третий, неподвижный. И говорят, что эти мыслители способны существовать отдельно: одни делят его на две части, другие отождествляют формы с объектами математики, а третьи утверждают, что эти две части являются лишь объектами математики.

Таким образом, у него есть нечто брэнное. Это физические тела. Ощутимые, но вечные, не брэнные.

О, вечное материальное тело. Вечное, особенное. Да.

И третье — нечто совершенно неизменное, неподвижное. И, очевидно, он имеет в виду формы, или, возможно, форму всех форм. Но формы, будь то одна, две или множество.

Хорошо? Ну, вы упомянули два основных понятия: частные случаи и формы, это просто повторение. Но обратите внимание на это понятие вечной частной части . Вечная частная часть .

Это не Бог. Это не он. Нет.

Бог не является телом. Во второй главе, следующей за первой, он говорит о четырех видах изменений , которые могут произойти. В верхней части второго столбца, в строках четыре и пять, говорится о четырех видах изменений.

Либо в отношении того, что , или качества, или количества, или места, и в отношении этого, порождения или разрушения. Теперь изменение в отношении этого, в отношении бытия этой конкретной вещью . Понятно? Ну, это просто вопрос становления.

Возникновение или разрушение. Понятно? Этот конкретный объект появляется , исчезает. Это один из видов изменений.

Существует и второй вид изменений. Изменение количества. Увеличение или уменьшение.

Изменение в отношении привязанности или качества. Это перестановка. Смена места — это передвижение.

Хорошо? Обратите внимание, в конце этого абзаца говорится, что все изменяющиеся вещи имеют материю . Речь идёт о вечных вещах, тех, которые не могут быть порождены, но подвижны в пространстве. О, он снова вернулся к этой вечной физической вещи.

Понимаете ? Эта вечная вещь не порождается, она вечна, но она подвижна в пространстве, она обладает материей. Понятно? Не материей для порождения, а для движения. Да.

Таким образом, он учитывает это в своих рассуждениях. Теперь позвольте мне указать, к чему он клонит. Он возвращается к первичным субстанциям, к частностям.

Первичные субстанции, частные сущности. Двух видов. Твердые и вечные.

Понятно? Часть этого он описывает в 12-й книге, а часть — в своей работе «De Caelo» (О небесах). Но суть его работы в следующем. Он размышляет о геоцентрической Вселенной.

Земля в центре. Понятно? На поверхности Земли происходят самые разные изменения. Вокруг Земли вращаются планеты.

Физические характеристики. Движение. Передвижение.

Изменения. Обратите внимание, что ключ к аргументу — это четвертый вид изменений. Передвижение.

Обратите внимание, что движение планет по орбитам — это бесконечное движение. Они не останавливаются. Дело в том, что линейное движение, по прямой линии от точки А до точки В, заканчивается в конце этой линии.

Прямолинейное движение, из точки А обратно в точку А, путем прохождения четырех сторон квадрата или прямоугольника, с кратковременной остановкой в углах. Да. Он говорит о разных видах передвижения .

Но существует и третий вид передвижения, при котором не требуется остановка. Круговое движение. Не нужно останавливаться на поворотах.

Никаких знаков «Стоп». Бесконечное движение. И он обнаружил бесконечное движение на орбитах планет.

На самом деле, именно вращающиеся вокруг Земли планеты вызывают изменения в атмосфере Земли, а те, в свою очередь, вызывают изменения на поверхности Земли, не так ли? Ах да, именно это лежало в основе астрологии и всего прочего того времени. Но это не исчерпывает его представление о космосе. Потому что на внешней периметре Вселенной находятся неподвижные звезды, около 50, как он их насчитал, хотя среди древних существовали споры о том, является ли это точным числом или их больше.

Эти неподвижные звезды не вращаются вокруг Земли, а вращаются вокруг своей оси. Они находятся в вечном круговом движении. Это вечные физические тела, вечно движущиеся по своей природе и механизму.

Именно их движение поддерживает движение планет, воздействуя на эфир, который заполняет пространство между неподвижными звездами и планетами. Теперь главный вопрос: как объяснить это вечное движение неподвижных звезд? Вот и все, что нужно знать о космосе.

Хорошо. Вечное передвижение должно иметь неизменную причину. Невозможно достичь вечного передвижения, если нет причины, неизменной во всех отношениях.

Итак , за пределами Вселенной он размышляет о другом существе, которое является неподвижным двигателем и, опять же, вечным. Неподвижные звезды могут быть движущимися вечными двигателями, но должен существовать неподвижный, совершенно неизменный двигатель. Неподвижный двигатель.

Ах! Но вы скажете: как неподвижный двигатель может двигать неподвижные звезды, кроме как прилагая силу, мощь, подобно действенной причине, которая является процессом изменения, в этом неподвижном двигателе? Неподвижный двигатель не является действенной причиной. Он не прилагает силы. Он ничего не прилагает.

Просто есть. Чистота.

Полностью реализовано. Нет никакого нереализованного потенциала. Это хорошо .

И души звёзд, тронутые изумлением, стремятся уподобиться неподвижному двигателю. Иными словами, неподвижный двигатель — это не действенная причина, а конечная причина всего творения . То, ради чего всё остальное продолжается.

Звезды двигались в изумлении, восхищении и желании быть похожими на них. Аристотель в другом месте пишет: философия начинается с удивления. Именно это побуждает нас к философским размышлениям.

Потому что нас трогает изумление перед истиной, добром, красотой. И философия достигает кульминации в изумлении, как мы увидим, в идее добра. Но весь космос движим изумлением, стремясь быть похожим на неподвижного движителя.

Вечное движение. Ну, знаете, когда он говорит, что неподвижные звезды, их души, движутся; что он имеет в виду? Знаете, именно это побудило некоторых средневековых мыслителей говорить об ангелах, путешествующих по звездам. Разве у него нет проблем с соотношением разума и тела в отношении звезд? Что-то вроде этого.

Хорошо, возможно, в этом есть какой-то мифологический подтекст, судя по тому, как это сказано. Но он пытается сказать, что Бог должен быть конечной причиной. Понимаете, конечной причиной.

В каком-то смысле ему не нужна действенная причина, потому что если форма и материя вечны, то ни у одного из греков не было сотворения из ничего. Все, что им было нужно, — это средство , с помощью которого вещь могла бы

поддерживаться. Это как если бы существовал космический магнетизм и восходящая гравитация.